281
348

КАКИМЪ ПУТЕМЪ

ПРИВЕСТИ ВЪ ПОРЯДОКЪ

РАЗСТРОЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОМѢЩИКОВЪ.

Статья 2

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

651-70

Какимъ путемъ привести въ порядокъ разстроенное хозяйство помѣщиковъ (*).

Статья 2-я.

Чтобы доискаться причины, почему во многихъ случаяхъ попытки помѣщиковъ воздѣлывать землю наемными рабочими оказались неудачными, нужно прежде всего разсмотрѣть: удались ли подобныя попытки среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ другихъ странахъ Европы? Составляетъ ли тамъ система обработки земли самимъ землевладѣльцемъ посредствомъ наемныхъ рабочихъ—главную, основную систему хозяйства, или же она является тамъ только въ видѣ исключенія? Такое сравненіе укажетъ намъ—должны-ли мы искать причины нашихъ неудачъ въ особенностяхъ нашего соціальнаго и экономическаго устройства, или же въ особенныхъ условіяхъ самого земледѣльческаго промысла, въ отличительныхъ свойствахъ самой этой системы хозяйства, одинаково дѣйствующихъ какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ Европы? Посмотримъ же, какая изъ трехъ указанныхъ нами сельско-хозяйственныхъ системъ является господствующею въ Западной Европѣ? Мы исключимъ изъ

(*) См. „День“ №11.

своего обзора Германію, потому что, не смотря на сосѣдство этой страны съ нами, состояніе хозяйства тамошнихъ помѣщиковъ, къ сожалѣнію, намъ слишкомъ мало извѣстно. Такъ какъ во многихъ государствахъ Германіи барщина упразднена была только въ 1848 году, то казалось бы, что положеніе хозяйства тамошнихъ помѣщиковъ должно быть во многихъ отношеніяхъ сходно съ положеніемъ хозяйства помѣщиковъ въ Россіи. Поэтому было бы весьма полезно, за недостаткомъ печатныхъ извѣстій по этому предмету, изучить на мѣстѣ — къ какой системѣ сельскаго хозяйства перешли помѣщики въ Германіи послѣ упраздненія барщины и нельзя не пожелать, чтобы сельскохозяйственныя общества наши оказали намъ свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Но если мы, по означеннымъ причинамъ, оставимъ въ сторонѣ Германію и ограничимся остальными государствами Западной Европы, то увидимъ, что въ нихъ являются господствующими въ крупныхъ и среднихъ помѣстьяхъ двѣ системы хозяйства: арендная система или фермерство, и испольная система (изъ части урожая) или le metayage. Первая изъ нихъ распространена особенно у народовъ Германскаго племени, вторая — у народовъ Романскаго племени, получившихъ ее въ наслѣдство отъ Римлянъ. Несомнѣнно однако, что испольная система все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто фермерству и что послѣднее рано или поздно вытѣснитъ окончательно первую. Но не станемъ загадывать о будущемъ и посмотримъ на современное распредѣленіе этихъ двухъ сельско-хозяйственныхъ системъ въ Западной Европѣ. Мы видимъ, что въ Англіи господствующая система — фермерство и что испольная система тамъ уже вовсе не существуетъ; въ Бельгіи 66% всей обработываемой земли воздѣлы-

вается по системѣ фермерства; во Франціи, по свидѣтельству Лаверня и графа Гаспарена, на половину— фермерство и на половину — metayage; по другимъ же болѣе современнымъ свѣдѣніямъ, фермеровъ во Франціи почти вдвое болѣе чѣмъ испольниковъ. Значительная часть Италіи и Швейцаріи, по словамъ Гаспарена, знаетъ только испольную систему; наконецъ въ Испаніи мы видимъ обѣ системы, но перевѣсъ на сторонѣ фермерства. Обработку земли самими землевладѣльцами мы встрѣчаемъ въ Западной Европѣ почти исключительно въ самыхъ мелкихъ поземельныхъ владѣніяхъ, въ которыхъ собственники земли— крестьяне, воздѣлывающіе землю сами съ своими семействами, почти безъ пособія наемныхъ рабочихъ. Въ среднихъ же и крупныхъ поземельныхъ владѣніяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ помѣстьямъ, система обработки земли самимъ землевладѣльцемъ является развѣ какъ рѣдкое исключеніе. Богатые землевладѣльцы въ Англіи раздѣляютъ свои имѣнія на фермы и сдаютъ ихъ въ аренду, а для себя оставляютъ только одну ближайшую къ усадьбѣ ферму; на ней они хозяйничаютъ сами, но вовсе не съ тою цѣлью, чтобы получить отъ нея наибольшій чистый доходъ, а скорѣе изъ любви къ земледѣлію и изъ желанія посредствомъ такихъ образцовыхъ фермъ, на которыя они не скупятся затрачивать большіе капиталы, содѣйствовать развитію земледѣлія въ своемъ отечествѣ. Конечно есть и въ Англіи нѣкоторыя мѣстности, въ особенности въ западныхъ графствахъ, гдѣ система обработки земли самимъ землевладѣльцемъ довольно распространена; встрѣчаются наконецъ и въ другихъ мѣстностяхъ Англіи отдѣльные землевладѣльцы, какъ Бредшау, Меки, Тонлей и другіе, которые страстно преданы земледѣлію, сами воздѣлываютъ свои земли и довели хозяй-

ство на своихъ фермахъ до высшей степени совершенства, но все это не болѣе какъ исключеніе относительно правила, которому слѣдуютъ крупные и средніе землевладѣльцы во всей Англіи. Что касается Франціи, то тамъ воздѣлываніе земли самими помѣщиками было распространено до временъ Ришелье; съ тѣхъ же поръ начало входить въ обычай фермерство. «Въ настоящее время, писалъ гр. Гаспаренъ въ 1828 году, еще можно найти обработку земли самими владѣльцами и видѣть послѣдствія этой системы хозяйства въ верхнемъ Лангедокѣ и въ Гасконіи, гдѣ она еще сохранилась и гдѣ большинство помѣщиковъ весьма желало бы избавиться отъ нея; они достигнутъ этого только содѣйствуя развитію промышленнаго духа между крестьянами, пріучая ихъ къ фермерству, давая имъ въ аренду, соразмѣрно съ ихъ средствами, небольшія фермы и наконецъ производя капиталы, которые со временемъ создадутъ недостающій имъ посредствующій классъ фермеровъ... Землевладѣльцы, которые принимались сами за обработку своихъ земель, съ цѣлью увеличить свой доходъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли успѣхъ.... но въ большинствѣ случаевъ напротивъ потерпѣли неудачу (dans un grand nombre de cas au contraire on les a vus échouer)». А вотъ свидѣтельство почти современное намъ: Виллерме въ статьѣ о сельской собственности во Франціи, помѣщенной въ 1861 году въ Revue des deux Mondes говоритъ слѣдующее: «мелкіе собственники-землевладѣльцы встрѣчаются во всей Франціи; землевладѣльцы же, воздѣлывающіе сами фермы довольно большаго размѣра, составляютъ весьма слабое исключеніе». Итальянцы и Испанцы, какъ вообще Романскіе народы, всегда были гораздо болѣе склонны къ городской жизни, чѣмъ къ сельской, а потому не въ этихъ странахъ искать

намъ примѣровъ воздѣлыванія земли самими владѣльцами.

И такъ въ бо́льшей части Западной Европы крупные и средніе землевладѣльцы сдаютъ свои земли фермерамъ и испольникамъ и весьма рѣдко обработываютъ ихъ сами посредствомъ наемныхъ рабочихъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ за недостаткомъ фермеровъ, землевладѣльцы еще занимаются сами воздѣлываніемъ своихъ земель, они весьма желали бы перейти къ фермерству. Наконецъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые, въ надеждѣ получить бо́льшій доходъ отъ земли, принимаются обработывать ее сами, бо́льшею частію встрѣчаетъ неудача. Вотъ что̀ мы видимъ въ Западной Европѣ; но если это такъ, если и тамъ съ крупными и средними землевладѣльцами повторяются тѣже неудачи, какъ и у насъ съ помѣщиками, въ попыткахъ ввести у себя такъ называемый вольнонаемный трудъ, то, кажется, мы въ правѣ предположить, что корень нашихъ неудачъ заключается вовсе не въ негодности нашего вольнонаемнаго труда, не въ особенностяхъ нашего соціальнаго и экономическаго устройства, не въ колебаніи нашей денежной единицы, не въ томъ, что у насъ нѣтъ поземельнаго кредита, а въ другихъ причинахъ, одинаково дѣйствующихъ какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что поземельный кредитъ намъ не нуженъ, что у насъ нѣтъ своихъ особенныхъ причинъ, способствующихъ неудачѣ нашихъ попытокъ; мы знаемъ, что колебаніе денежной единицы, страшный упадокъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты и другія подобныя обстоятельства имѣютъ немалое значеніе для нашихъ начинаній въ этомъ дѣлѣ; но мы твердо убѣждены въ томъ, что если бы эти особенныя причины и были устранены, то мы все-таки не много подвинулись бы впе-

редъ и неудачи все-таки сопутствовали бы намъ въ нашихъ попыткахъ, — потому что, повторяемъ, корень неудачъ заключается не въ этомъ. Какъ ни тяжело заводской и фабричной промышленности нашей и торговлѣ бороться съ этими экономическими затрудненіями, тѣмъ не менѣе мы видимъ, что онѣ находятся далеко не въ такомъ трудномъ положеніи, какъ земледѣльческая промышленность нашихъ помѣщиковъ. Не указываетъ ли намъ и это обстоятельство на то, что главная причина нашихъ неудачъ кроется не въ особенныхъ условіяхъ нашего экономическаго положенія? Если же причина этого явленія общая для всѣхъ странъ, а не мѣстная, то ясно, что мы должны ее искать въ самомъ земледѣльческомъ промыслѣ, въ особенныхъ свойствахъ разсматриваемой нами системы хозяйства.

Посмотримъ же прежде всего—какъ объясняютъ это явленіе въ Западной Европѣ. «Воздѣлываніе земли самими собственниками (крупнымъ или среднимъ), говоритъ графъ Гаспаренъ, зависитъ вообще отъ малаго развитія промышленности, цивилизаціи и свободы народовъ; оно зависитъ отъ бѣдности класса земледѣльцевъ, отъ которыхъ нельзя ожидать никакихъ денежныхъ затратъ; иногда отъ того, что земледѣльцы народятся въ состояніи рабства.... Когда эта система воздѣлыванія земли является господствующею въ странѣ, она препятствуетъ образованію класса богатыхъ и независимыхъ земледѣльцевъ; рабочіе пролетаріи удерживаются въ безвыходномъ положеніи нищеты, потому что они могутъ разсчитывать только на плату за свой ручной трудъ и не имѣютъ возможности приложить къ дѣлу свой умъ; а несомнѣнно, что только приложеніемъ къ дѣлу ума удается рабочимъ, которые имъ одарены, возвыситься до достатка.» Вил-

лермъ въ вышеприведенной нами статьѣ говоритъ, что «при нынѣшнемъ положеніи Европы воздѣлываніе земли самими крупными землевладѣльцами составляетъ общее правило только въ тѣхъ странахъ, гдѣ вслѣдствіе бѣдности и недостаточной образованности жителей отдача земли въ наемъ слишкомъ затруднительна.» И такъ въ Западной Европѣ думаютъ, что господство въ странѣ системы воздѣлыванія земли самими владѣльцами посредствомъ наемныхъ рабочихъ—возможно только при низкомъ уровнѣ цивилизаціи народа и при недостаточномъ экономическомъ развитіи страны, что оно даже отчасти препятствуетъ развитію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія въ народѣ. По этому-то въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство землевладѣльцевъ еще держится этой системы, оно дѣлаетъ это только по необходимости и само готово содѣйствовать возникновенію такихъ условій, которыя дали бы возможность перейти къ системѣ хозяйства арендnаго. Не правда ли, что это мнѣніе сельскихъ хозяевъ Западной Европы совершенно противорѣчитъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя такъ распространены у насъ теперь въ обществѣ? Мы постоянно слышимъ, по поводу нашихъ неудачъ съ такъ называемымъ вольнонаемнымъ трудомъ, что намъ еще видно рано вводить у себя эту систему хозяйства, что у насъ еще нѣтъ такихъ-то и такихъ-то условій, безъ которыхъ «вольнонаемный трудъ» невозможенъ. Однимъ словомъ, намъ представляется господство этой системы хозяйства такимъ идеаломъ, котораго намъ еще не дано достигнуть; въ Западной же Европѣ сельскіе хозяева смотрятъ на господство этой системы въ крупныхъ и среднихъ помѣстьяхъ, какъ на доказательство низкой степени развитія страны. Слушая наши сѣтованія о нашихъ неудачахъ, они конечно сказали бы намъ: о чемъ вы сѣтуете? оглянитесь хоро-

шенько: очень можетъ быть, что вамъ не рано, а уже поздно вводить у себя повсемѣстно эту систему, и въ такомъ случаѣ мы на вашемъ мѣстѣ не стали бы долго сѣтовать о своихъ неудачахъ, а весьма охотно поспѣшили бы перейти къ другимъ системамъ хозяйства, соотвѣтствующимъ той степени экономическаго развитія, на которой находится страна. Кто же однако правъ: мы или сельскіе хозяева Западной Европы? Кажется, что неправы мы и неправы именно потому, что господство разсматриваемой нами системы хозяйства въ крупныхъ и среднихъ помѣстьяхъ, при извѣстной степени развитія страны, дѣйствительно невозможно и даже нежелательно по многимъ причинамъ.

Эта система хозяйства предполагаетъ какъ необходимое условіе—соединеніе въ одномъ лицѣ трехъ капиталовъ: недвижимаго или земли, движимаго или оборотнаго, и нравственнаго, т. е. знанія земледѣлія и любви къ этому дѣлу. Нѣтъ сомнѣнія, что при низкой степени развитія гражданственности въ странѣ, когда напримѣръ народъ находится въ рабствѣ или въ крѣпостной зависимости, капиталы движимый и нравственный далеко не въ такой степени необходимы землевладѣльцу для того, чтобы ему быть земледѣльцемъ; право на даровой трудъ, замѣняющій для него оборотный капиталъ, ставитъ его сравнительно съ прочими земледѣльцами, которые этимъ правомъ не пользуются, въ положеніе привилегированное и обезпечиваетъ ему нѣкоторый успѣхъ, хотя бы онъ былъ обдѣленъ капиталомъ нравственнымъ. Но какъ скоро крѣпостное право въ странѣ упразднено, какъ скоро гражданственность и свобода уже достигли въ ней извѣстной степени развитія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ потребность въ капиталахъ движимомъ и нравственномъ

становится неотложною для землевладѣльца, если онъ желаетъ имѣть возможность съ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ. Можно сказать положительно, что чѣмъ выше развитіе страны, тѣмъ болѣе знаніе и деньги составляютъ главный нервъ земледѣлія. Но часто ли встрѣчается счастливое сочетаніе въ одномъ лицѣ всѣхъ трехъ означенныхъ капиталовъ? Слишкомъ часто случается, что землевладѣлецъ не имѣетъ движимаго капитала, а если и имѣетъ его, то не знаетъ вовсе сельско-хозяйственнаго промысла или знаетъ его только по книгамъ. Если же совпаденіе всѣхъ этихъ условій въ лицѣ землевладѣльца, при извѣстной степени гражданственнаго развитія страны, является необходимостью, безъ которой немыслимо примѣненіе къ дѣлу этой системы хозяйства, и если такое совпаденіе встрѣчается только какъ рѣдкое исключеніе то можетъ ли подобная система хозяйства сдѣлаться господствующею въ такой странѣ?

Но скажутъ: если только въ этомъ препятствіе, то его еще не трудно преодолѣть: учрежденіемъ поземельныхъ банковъ можно ссудить землевладѣльцевъ движимыми капиталами, а созданіемъ класса образованныхъ управляющихъ восполнить недостатокъ знанія и опытности въ самыхъ землевладѣльцахъ. Что посредствомъ поземельныхъ банковъ можно создать движимые капиталы—это безспорно; но самые капиталы эти могутъ принести пользу только въ томъ случаѣ, если будетъ достаточно знанія и умѣнья распорядиться ими. Безъ хозяина деньги—черепки, говоритъ пословица. Слѣдовательно польза первой мѣры зависитъ отъ успѣха второй: замѣны землевладѣльцевъ управляющими. Но не можетъ, кажется, быть сомнѣнія въ томъ, что отъ подобной замѣны никакой пользы ожидать нельзя, потому что при этомъ утрачивается самое существенное условіе успѣха сельско-хозяйствен-

Государстве

наго предпріятія. Обыкновенно, какъ главное преимущество системы обработки земли самимъ владѣльцемъ, выставляютъ то обстоятельство, что при этой системѣ хозяйства соединяются въ одномъ лицѣ два интереса, которые находятся въ борьбѣ между собою: интересъ землевладѣльца, т. е. того лица, которому на правѣ собственности принадлежитъ недвижимый капиталъ, и интересъ земледѣльца, т. е. того лица, которому на правѣ собственности принадлежитъ оборотный капиталъ или сельско-хозяйственное предпріятіе (l'exploitation rurale). Интересъ земледѣльца состоитъ въ извлеченіи изъ земли наибо́льшаго дохода; онъ имѣетъ поэтому естественную наклонность жить на счетъ капитала, изъ котораго извлекаетъ доходъ, не дѣлать въ пользу земли никакой лишней затраты, которою бы онъ не могъ вполна воспользоваться въ данный періодъ времени; интересъ же землевладѣльца состоитъ въ сбереженіи капитала, представляемаго землею, и даже не только въ охраненіи, но и въ увеличеніи производительной силы земли; его выгода поэтому требуетъ не отступать отъ значительныхъ затратъ, отъ которыхъ предвидится польза, хотя бы въ теченіи продолжительнаго періода времени. Если же интересы земледѣльца и землевладѣльца не всегда совпадаютъ и даже иногда бываютъ прямо противоположны, то ясно, что когда они ввѣрены двумъ различнымъ лицамъ, — это не можетъ не вредить успѣху земледѣлія; и наоборотъ, эта противоположность интересовъ парализуется, между ними устанавливается равновѣсіе, когда они соединяются въ одномъ лицѣ, которому одинаково дорогъ какъ тотъ, такъ и другой интересъ. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что это условіе весьма важно для успѣха земледѣлія и въ немъ-то и заключается главная причина, почему мелкіе

поземельные собственники, которые сами воздѣлываютъ свою землю, выручаютъ изъ нея бо́льшую массу продуктовъ, чѣмъ фермеры. Но мы въ своихъ сужденіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ слишкомъ склонны преувеличивать значеніе этого условія успѣха сельско-хозяйственнаго предпріятія, и наоборотъ цѣнимъ слишкомъ низко, даже весьма часто вовсе опускаемъ изъ виду другое условіе успѣха, которое, между тѣмъ, еще важнѣе чѣмъ первое. Это другое условіе состоитъ въ томъ, чтобы земледѣлецъ, какое бы онъ ни имѣлъ право на землю,— право ли собственности или найма, все равно,—завѣдывалъ во всякомъ случаѣ своимъ сельско-хозяйственнымъ предпріятіемъ лично самъ, а не черезъ посредство другаго лица. Не такъ важно то, чтобы сельско-хозяйственное предпріятіе велось самимъ собственникомъ земли, какъ то, чтобы оно велось самимъ хозяиномъ, т. е. самимъ собственникомъ эксплуатаціи, какъ говорятъ Французы А это условіе и нарушается, какъ скоро вы замѣняете землевладѣльца управляющимъ Когда приходится выбирать между собственникомъ, не завѣдывающимъ лично своимъ хозяйствомъ, и арендаторомъ, завѣдывающимъ имъ лично, тогда выборъ для пользы земледѣлія конечно долженъ склониться на сторону втораго. Народный голосъ въ пословицахъ и поговоркахъ уже давно призналъ несомнѣнность той истины, что всякое хозяйство должно завѣдываться самимъ хозяиномъ: хозяйскій глазъ смотрокъ, хозяйкой домъ стоитъ, безъ хозяина товаръ сирота, говорятъ Русскіе; das Auge des Herrn macht die Pferde glatt; die Fussstapfen des Herrn düngen den Bo. en, говорятъ Нѣмцы. Каждому изъ насъ, помѣщиковъ, очень хорошо извѣстно, что въ дѣлѣ сельскаго хозяйства на одинхъ распоряженіяхъ и приказаніяхъ далеко не уѣдешь,

что самому хозяину нужно, если уже не работать. то во всякомъ случаѣ имѣть постоянный, безотлучный надзоръ за всѣмъ дѣломъ, что хозяйскій глазъ, хозяйскій надзоръ незамѣнимъ, что безъ этого надзора хозяйство будетъ заглазное, отъ котораго нельзя ожидать никакого прока. Только при этомъ условіи можетъ идти какъ должно—вообще всякое хозяйство, требующее денежной затраты, а тѣмъ болѣе хозяйство, основанное на системѣ обработки земли наемными рабочими. Причина этого весьма понятна: ферма требуетъ несравненно болѣе, чѣмъ фабрика, постояннаго надзора: фабрика походитъ на машину, которая, бывъ однажды заведена, можетъ дѣйствовать почти безъ надзора; въ ней всѣ работы круглый годъ, изо дня въ день, повторяются однѣ и тѣ же, почти безъ всякой перемѣны, и распредѣлены между рабочими однажды навсегда съ математическою точностью; принципъ раздѣленія труда находитъ въ ней приложеніе въ полной силѣ и рабочій превращается почти-что въ машину; но и не фабрикѣ стараются по возможности избѣгать труда подёнщика, того труда, который мы разумѣемъ обыкновенно подъ именемъ труда вольнонаемнаго, а стараются примѣнять всюду, гдѣ только возможно, трудъ изъ дѣла. На фермѣ же дѣло совершенно иное: орудія и машины могутъ сокращать, удешевлять, совершенствовать работу на фермѣ, но сама ферма никогда не превратится въ машину, которая могла бы дѣйствовать почти безъ надзора; въ ней работы не только не повторяются круглый годъ, изо дня въ день, однѣ и тѣ же, но напротивъ мѣняются постоянно по временамъ года и даже весьма часто въ теченіи одного дня, вслѣдствіе перемѣны погоды. На фермѣ принципъ раздѣленія труда никогда не можетъ найти себѣ приложенія во всей его силѣ; въ ней каждый рабочій дол-

женъ быть и пахаремъ и боронильщикомъ и косцомъ и жнецомъ и знать уходъ за лошадьми, за коровами и т. д.; орудія и машины земледѣльческія никогда не будутъ въ состояніи восполнить недостатокъ смѣтливости и знанія въ рабочихъ: этотъ недостатокъ долженъ быть постоянно восполняемъ хозяиномъ. На ферму никогда не наймутся годовые рабочіе съ условіемъ получать плату изъ дѣла, потому что это невозможно по существу самого сельско-хозяйственнаго дѣла. Можетъ ли же при всѣхъ этихъ условіяхъ ферма обойтись безъ постояннаго, ежеминутнаго надзора самого хозяина, т. е. не повѣреннаго, а лица, лично и непосредственно заинтересованнаго въ толковомъ и бережливомъ употребленіи оборотнаго капитала? Нѣтъ, не можетъ, потому что допустить это—значило бы примѣніяхъ системы обработки земли наемными рабочими.

Вотъ причины, по которымъ я признаю господство этой системы хозяйства въ крупныхъ и среднихъ помѣстьяхъ невозможнымъ—при извѣстной степени развитія страны. Мало того, я полагаю, что оно было бы даже нежелательно, какъ въ видахъ общаго государственнаго и общественнаго интереса, такъ и въ интересѣ самихъ помѣщиковъ. Господство этой системы хозяйства предполагаетъ огромное развитіе труда наемнаго въ ущербъ труду хозяйскому,—а не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію: который изъ этихъ двухъ видовъ свободнаго труда производительнѣе? тотъ ли, когда человѣкъ работаетъ въ качествѣ наемника въ пользу другаго лица, или тотъ, когда человѣкъ работаетъ, какъ хозяинъ, для самого себя? Въ выборѣ не можетъ быть сомнѣнія, особливо когда рѣчь идетъ о земледѣльческомъ промыслѣ, въ которомъ наиболѣе выгодная при наемномъ трудѣ плата изъ дѣла оказы-

вается неприложимою къ постояннымъ рабочимъ. Сверхъ того громадное развитіе наемнаго труда задерживаетъ и нравственное развитіе народа; ясно, что работникъ-наемникъ, исполняющій только чужія приказанія, находится по самому роду своей дѣятельности въ худшихъ условіяхъ для умственнаго и нравственнаго развитія, чѣмъ работникъ-хозяинъ, который долженъ не только исполнять работу, но и соображать, обдумывать весь ходъ своего предпріятія: отъ перваго требуется главнымъ образомъ физическая работа, отъ втораго же и физическая и нравственная. Вотъ почему Леонъ Фоше, сравнивая Англію съ другими странами Европы, упрекаетъ ее за громадное развитіе наемнаго труда въ земледѣліи. Онъ говоритъ, что въ большей части Европы трудъ наемный (le travail salarie) въ земледѣліи составляетъ исключеніе, что вообще земля воздѣлывается самими фермерами и испольниками съ ихъ семействами, почти вовсе безъ пособія поденщиковъ; некрупный размѣръ фермъ представляетъ къ тому возможность. Только въ одной Англіи, говоритъ онъ, гдѣ фермы имѣютъ большіе размѣры, трудъ наемный въ земледѣліи составляетъ правило, а трудъ на свою руку—исключеніе. Впрочемъ, по свидѣтельству Лаверня, и въ самой Англіи изъ 200,000 фермеровъ половина обработываетъ землю своими руками, съ помощью своихъ семействъ. Наконецъ исключительное господство этой системы хозяйства отвлекло бы совершенно землевладѣльцевъ отъ всѣхъ другихъ отраслей дѣятельности, требующихъ образованія и во всякомъ случаѣ не менѣе важныхъ, чѣмъ земледѣліе; я говорю о службѣ государственной и общественной, о занятіи науками и искусствами и т. д. Послѣдствіемъ этого было бы то, что завѣдываніе общественными дѣлами изъ рукъ земледѣльцевъ перешло бы въ руки чиновниковъ,

т. е. лицъ, не имѣющихъ достаточной связи съ землею, не заинтересованныхъ лично въ тѣхъ дѣлахъ, которыми они завѣдываютъ. Что же касается невыгодности этой системы хозяйства для землевладѣльцевъ, то графъ Гаспаренъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи очень вѣрное замѣчаніе. Онъ говоритъ, что господство системы воздѣлыв нія земли самими землевладѣльцами препятствуетъ возвышенію продажной цѣнности земель, уменьшая число конкуррентовъ на покупку земель; ибо при такихъ условіяхъ можетъ покупать имѣніе только тотъ, кто можетъ пожертвовать на него всю свою жизнь и отстраняются отъ покупки всѣ тѣ капиталисты, которые ищутъ главнымъ образомъ вѣрнаго помѣщенія капитала.

Такимъ образомъ мы видѣли, что господство этой системы хозяйства въ крупныхъ и среднихъ помѣстьяхъ не можетъ составить идеала, къ достиженію котораго можно было бы стремиться. И дѣйствительно, исторія экономическаго развитія всѣхъ народовъ указываетъ намъ, что развитіе шло постоянно отъ господства этой системы къ постепенной замѣнѣ ея другими системами; но первая изъ нихъ никогда не вытѣсняется окончательно, а остается въ странѣ въ видѣ исключенія, и тогда уже эти исключительные случаи представляютъ верхъ совершенства въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что переходъ отъ одной системы хозяйства къ другой, какъ и вообще всякое развитіе экономической жизни, обусловливается не теоретическими соображеніями, а вынуждается чисто-экономическими побужденіями, т. е. сознаніемъ сравнительной выгодности одной системы передъ другою. Понятно, что чѣмъ ниже стоитъ въ странѣ земледѣльческій промыслъ, чѣмъ рѣже народонаселеніе, и чѣмъ ниже, вслѣдствіе этого, арендная плата

за землю, словомъ, чѣмъ менѣе развиты вообще экономическія условія страны,—тѣмъ легче землевладѣльцу конкурировать съ крестьянами въ земледѣльческомъ промыслѣ, выручать изъ земли бо́льшую массу продуктовъ, чѣмъ крестьяне, получать посредствомъ обработки земли бо́льшій доходъ, чѣмъ посредствомъ сдачи ея въ аренду. Но, по мѣрѣ развитія земледѣльческаго промысла крестьянъ и возвышенія арендной платы за землю, конкуренція съ крестьянами будетъ становиться затруднительнѣе для землевладѣльца: онъ подвергнется ряду неизбѣжныхъ неудачъ, потому что для успѣха уже будетъ требоваться отъ него бо́льшій запасъ знанія, искуства и капитала. Вслѣдствіе этого землевладѣльцы будутъ имѣть болѣе побужденій къ переходу къ другимъ системамъ хозяйства, и кругъ примѣненія разсматриваемой нами системы будетъ болѣе и болѣе стѣсняться. Всѣмъ извѣстно, что даже фабрики не смотря на многія выгоды, которыя онѣ имѣютъ передъ кустарничествомъ, во многихъ случаяхъ съ трудомъ конкурируютъ съ нимъ. Спрашивается: выдержитъ ли земледѣльческій промыслъ въ рукахъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ соперничество съ кустарничествомъ земледѣльческимъ, которое будетъ производить наибо́льшую массу продуктовъ и слѣдовательно устанавливать цѣну на нихъ? Уже было сказано, что трудъ кустарника, трудъ самого хозяина производительнѣе труда наемнаго, но и батракъ, если онъ у него есть, работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, всегда у него на глазахъ, и потому лучше, чѣмъ у крупнаго землевладѣльца. Но кромѣ того, что трудъ батрака у кустарника производительнѣе, онъ обходится ему дешевле, потому что батракъ живетъ вмѣстѣ съ нимъ въ одной избѣ, дѣлитъ съ нимъ обѣдъ и даже отчасти одежду. Относительно экономіи и бере-

жливости во всемъ, крестьянинъ также имѣетъ преимущество передъ землевладѣльцемъ; наконецъ онъ довольствуется меньшимъ барышомъ: хлопочетъ только о томъ, какъ бы ему прокормить самого себя и свое семейство и заплатить всѣ повинности, на немъ лежащія. Вслѣдствіе этого, продукты производимые крестьяниномъ будутъ ему всегда обходиться дешевле, чѣмъ продукты, производимые крупнымъ или среднимъ землевладѣльцемъ. Ясно по этому, что конкуренція между ними возможна только при одномъ условіи: если землевладѣлецъ будетъ добывать съ извѣстнаго пространства земли несравненно болѣе продуктовъ и лучшаго качества, чѣмъ земледѣлецъ-кустарникъ; а это возможно только въ томъ случаѣ, если землевладѣлецъ восполнитъ капиталомъ денежнымъ и нравственнымъ тѣ невыгоды, которыя онъ имѣетъ передъ земледѣльцемъ-кустарникомъ. Однимъ словомъ, земледѣлье, какъ ремесло, какъ промыслъ, въ рукахъ землевладѣльцевъ можетъ конкурировать съ земледѣліемъ кустарниковъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ экономическія условія находятся на весьма низкой степени развитія; тамъ же, гдѣ послѣднія достигли уже извѣстной степени развитія, оно можетъ конкурировать только въ томъ случаѣ, если будетъ возведено на степень искусства; но на этой степени оно всегда будетъ составлять только исключеніе. И такъ трудность соперничества съ крестьянами въ земледѣльческомъ промыслѣ, какъ скоро онъ достигаетъ въ ихъ рукахъ извѣстной степени развитія—вотъ та экономическая причина, которая заставляетъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ переходить къ другимъ системамъ хозяйства, при которыхъ работникъ обрабатываетъ землю: въ качествѣ испольника частью для себя, частью для землевладѣльца, или въ качествѣ

арендатора-съемщика—*исключительно для себя*, а землевладѣльцу платитъ за нее опредѣленную плату.

Съ этой точки зрѣнія взглянемъ на то, что происходитъ теперь въ Россіи съ хозяйствомъ помѣщиковъ. Если бы мы попробовали собрать всѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя сообщались помѣщиками съ разныхъ концовъ Россіи, о попыткахъ съ вольнонаемнымъ трудомъ; если бы мы затѣмъ нанесли на карту Россіи: въ какихъ мѣстностяхъ попытки эти увѣнчались успѣхомъ и въ какихъ окончились неудачею, — то едва ли подобный трудъ не привелъ бы насъ къ слѣдующему выводу: съ дальняго востока за Волгою и съ юга (преимущественно съ юговостока Россіи) почти вовсе не слышится сѣтованій на неудачи въ этомъ дѣлѣ; тамъ подобная система хозяйства не новость; она ведется тамъ уже около полстолѣтія на чисто коммерческомъ основаніи, часто въ громадныхъ размѣрахъ, и уже успѣла по этому достаточно укорениться; туда стекаются ежегодно огромныя массы рабочихъ на жнитво и на покосъ и потому, не смотря на безлюдье того края, оттуда не слышно жалобы ни на недостатокъ въ рабочихъ, ни на неудовлетворительность ихъ работы. Большею же частью сѣтованья на неудачи съ вольнонаемнымъ трудомъ идутъ кажется изъ центральныхъ губерній. Если бы причина нашихъ неудачъ дѣйствительно заключалась въ недостаткѣ рабочихъ рукъ, въ неудовлетворительности вольнонаемнаго труда, то казалось бы, что въ мѣстностяхъ густо населенныхъ должно представляться болѣе гарантій для успѣха этого дѣла; такъ дѣйствительно и думаютъ защитники этой теоріи. На дѣлѣ же мы видимъ совершенно обратное явленіе, именно, что опыты помѣщиковъ обрабатывать свои земли наемными рабочими увѣнчались

бо̀льшимъ успѣхомъ въ мѣстностяхъ мало населенныхъ, въ дальнихъ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, чѣмъ въ центральныхъ густо населенныхъ. Этотъ фактъ, кажется, ясно указываетъ намъ на то, что причина нашихъ неудачъ вовсе не въ рабочихъ и не въ свободѣ труда, а въ другомъ обстоятельствѣ. Если мы обратимъ вниманіе на различіе экономическихъ условій между двумя означенными полосами Россіи: юговосточною и центральною, то увидимъ, что оно сводится къ слѣдующимъ признакамъ: въ первой мѣстности арендная плата за землю, вслѣдствіе незначительности народонаселенія, еще довольно низка; успѣхъ земледѣлія зависитъ тамъ гораздо болѣе отъ естественной производительной силы земли, чѣмъ отъ труда человѣка и отъ капитала, который онъ затрачиваетъ на нее; во второй же мѣстности мы видимъ признаки совершенно обратные; вообще можно сказать, что въ экономическомъ отношеніи первая мѣстность находится еще на низшей степени развитія, чѣмъ вторая. Въ этомъ развитіи экономическихъ условій и заключается причина выгодности воздѣлыванія земли самими землевладѣльцами въ юговосточной полосѣ и невыгодности подобныхъ предпріятій въ центральной полосѣ Россіи: чѣмъ выше арендная плата за землю, чѣмъ болѣе развитъ земледѣльческій промыслъ крестьянъ, чѣмъ болѣе урожаи находятся въ зависимости отъ труда и капитала земледѣльца, чѣмъ болѣе развиты вообще экономическія условія извѣстной мѣстности, тѣмъ труднѣе землевладѣльцу конкурировать съ крестьянами, тѣмъ болѣе неудачъ долженъ онъ терпѣть въ попыткахъ своихъ обработывать свою землю наемными рабочими и тѣмъ выгоднѣе долженъ представляться ему переходъ къ другимъ системамъ. И дѣйствительно мы видимъ, что помѣщики, научен-

ные опытомъ, уже начинаютъ переходить постепенно къ системѣ хозяйства испольнаго и къ системѣ хозяйства арендnаго. Такимъ образомъ опытъ жизни совпадаетъ съ теоріею; послѣдуемъ же согласному указанію жизни и теоріи и оставимъ разъ навсегда безплодныя и несправедливыя сѣтованія на недостатокъ въ рабочихъ и на свободу труда.

Слѣдовательно, скажутъ мнѣ, по вашему мнѣнію система воздѣлыванія земли самими землевладѣльцами посредствомъ наемныхъ рабочихъ у насъ вовсе не примѣнима? Нѣтъ, не совсѣмъ такъ; я полагаю, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ экономическія условія еще мало развиты, она еще возможна; но если сѣтованія нашихъ помѣщиковъ на неудачи ихъ съ этою системою хозяйства основаны на вѣрномъ учетѣ, то можно кажется заключить, что въ Россіи есть такія мѣстности, въ которыхъ уже поздно думать о господствѣ этой системы хозяйства, а пора уже переходить къ другимъ системамъ. Объ этомъ, по моему мнѣнію, нечего сѣтовать, потому что это доказываетъ не шагъ назадъ, а движеніе впередъ, такъ какъ господство этой системы хозяйства въ крупныхъ и среднихъ помѣстьяхъ вовсе не желательно и не можетъ составить идеала, къ достиженію котораго слѣдовало бы стремиться. Пожелаемъ же, чтобы въ этихъ мѣстностяхъ большинство помѣщиковъ перешло постепенно къ системамъ хозяйства испольнаго и арендnаго, но пожелаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы въ этихъ же мѣстностяхъ нашлись и такіе землевладѣльцы, которые съ любовью предались бы земледѣлію, посвятили бы на это дѣло всю свою жизнь и все свое знаніе, не пощадили бы на него ни усилій ни капитала, не унывали бы ни передъ какими неудачами, а возводя путемъ упорнаго труда земледѣліе на степень искусства,

съумѣли бы преодолѣвать всѣ препятствія и возвратить съ лихвою всѣ убытки, которые они несомнѣнно понесутъ на первыхъ парахъ. Но пусть знаютъ, что главное условіе ихъ удачи лежитъ въ нихъ самихъ и пусть, въ случаѣ неудачи, они винятъ главнымъ образомъ себя же самихъ.

Алтаганскій.